

ГЛАВА IV.

Пушкинъ и Лермонтовъ.

(Апогей индивидуализма и анти-мѣщанства въ художественной литературѣ первой половины XIX-го вѣка).

Соціально-политическая борьба, поглощавшая собою всѣ помыслы декабристовъ, шла въ русской интеллигенціи параллельно съ борьбой противъ этического мѣщанства, борьбой, ареной для которой служило литературное поле, а оружіемъ борьбы—пришедшій на смѣну псевдо-романтизму реализмъ. Многіе изъ декабристовъ пробовали свои силы на этомъ литературномъ полѣ, но имѣли въ рукахъ только заржавѣвшее оружіе псевдо-романтизма. Мы уже указывали, что романтизмъ, какъ міропониманіе, это именно то, чѣмъ не обладала русская интеллигенція первой четверти XIX-го вѣка; всѣ декабристы, причастные литературѣ, являются лучшимъ подтвержденіемъ этого положенія. Всѣ они тщились быть романтиками и участью всѣхъ ихъ былъ типичный псевдо-романтизмъ; участь эта одинаково постигла и Рылѣева, и Кюхельбекера, и Бестужева, послѣдній изъ которыхъ сталъ даже характернымъ представителемъ напыщеннаго ультра-романтизма. На Бестужевѣ мы уже останавливались выше (гл. II); прочіе же декабристы-литераторы имѣютъ только второстепенное и третьестепенное литературное значеніе: ихъ устарѣвшее оружіе только царапнуло собою скрижали исторіи литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіи русской общественной мысли.

И однако среди тѣхъ же декабристовъ появился первый гениальный представитель реализма, какъ литературнаго оружія противъ этического мѣщанства: мы говоримъ, конечно, о Грибоѣдовѣ, близость котораго къ декабристамъ является въ настоящее время вполне

доказаннымъ фактомъ (и притомъ близость не только къ идеаламъ декабристовъ, но и къ ихъ Тайному Обществу). Среди тѣхъ же декабристовъ развивался и Пушкинъ, хотя и непринятый ими въ число членовъ Общества, но которому только случай помѣшалъ быть 14-го декабря 1825-го года на Сенатской площади; Пушкинъ, которому предстояло стать величайшимъ представителемъ и выразителемъ реализма, не только какъ литературнаго направленія, но и какъ опредѣленнаго міровоззрѣнія. И Грибоѣдовъ и Пушкинъ тѣсно связаны своими симпатіями съ декабристами: Пушкинъ хотѣлъ — мы это видѣли выше — быть идеологомъ интеллигенціи двадцатыхъ годовъ въ проблемѣ социологическаго индивидуализма; Грибоѣдовъ можетъ считаться ихъ идеологомъ въ борьбѣ съ этическимъ мѣщанствомъ.

Грибоѣдовъ одинъ изъ первыхъ въ исторіи русской общественной мысли бросилъ перчатку мѣщанству окружающей жизни и тѣмъ началъ борьбу на жизнь и на смерть съ этическимъ мѣщанствомъ, — борьбу, продолжавшуюся все XIX-ое столѣтіе. Въ области чисто литературной онъ одинъ изъ первыхъ реалистовъ, имѣющій предшественникомъ только Крылова, на что указывалъ еще Бѣлинскій. Предтечей литературнаго реализма несомнѣнно былъ Крыловъ, въ свое время жестоко побивавшій литературное мѣщанство псевдоклассицизма (трагедія «Трумфъ», 1800 г.) и ультра-сентиментализма (комедія «Пирогъ» 1802 г.). Въ области басни онъ первый ввелъ реализмъ, и басня изъ ложно-классической (Сумароковъ), сентиментальной (Дмитріевъ) и псевдо-романтической (нѣкоторыя басни Жуковского) сдѣлалась ярко реалистической. Значеніе басенъ Крылова гораздо больше того вниманія, которое имъ обыкновенно удѣляется въ исторіи русской литературы; намъ достаточно указать отмѣченную еще Бѣлинскимъ тѣсную преемственную связь между «неподражаемымъ поэтомъ», представителемъ духа русскаго народа, какъ Пушкинъ называлъ Крылова, и Грибоѣдовымъ; связь не только внѣшнюю, но и внутреннюю, не только по языку, но и по типамъ. Въ басняхъ Крылова мы найдемъ многихъ дѣйствующихъ лицъ изъ «Горе отъ ума»: тутъ и пустая бочка, безпардонный болтунъ на либеральныя темы Репетилловъ («Двѣ бочки», «Добрая лисица»); тутъ неповоротливый, тупой Скалозубъ, по граціи и по уму мало чѣмъ отличающійся отъ Мишки («Пустынникъ и Медвѣдь»); тутъ и Антонъ Антонычъ Загорѣцкій («Лжець»), который недаромъ такъ не любитъ басенъ: «охъ, басни — смерть моя», заявляетъ онъ; тутъ и самъ рыцарь печальнаго образа Чацкій, борьба котораго съ мѣщанствомъ

должна кончиться такъ же, какъ и походъ крыловскаго «Рыцаря». Тутъ, наконецъ, и все остальное общество, всѣ эти князья, графини, княжны Зизи, Мими, эти типичныя крыловскія «Обезьяны», которымъ и Крыловъ и Грибоѣдовъ говорятъ почти одинаковыми словами: безъ ума перенимать и Боже сохрани какъ худо!

На комедіи Грибоѣдова мы не будемъ останавливаться подробно; слишкомъ ясно, что она является рѣзкой сатирой на мѣщанство жизни, первой перчаткой, брошенной въ лицо этическому мѣщанству. И раньше безсмертной комедіи Грибоѣдова (законченной имъ въ 1823 году) можно было встрѣтить въ русской литературѣ отдѣльные булабочные уколы мѣщанству окружающей жизни, но только «Горе отъ ума», одѣтое въ броню реализма, нанесло этому мѣщанству оглушительную пощечину, раздавшуюся на всю Россію. Результатъ оказался плачевнымъ — но не для мѣщанства: погибъ Грибоѣдовъ, подобно тому какъ погибъ его alter ego Чацкій... Грибоѣдовъ началъ собою рядъ лучшихъ представителей русской интеллигенціи, которымъ суждено было пасть въ борьбѣ съ торжествующимъ мѣщанствомъ: мы увидимъ, какъ въ этой борьбѣ одинъ за другимъ пали такіе титаны, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, не говоря уже о цѣломъ рядѣ *minorum deorum*. И неудивительно: вѣдь послѣ 1825-го года Фамусовъ получилъ должность министра народнаго просвѣщенія; это онъ, подъ личиной графа Уварова, выражалъ въ 1843 году пожеланіе, «чтобы, наконецъ, русская литература прекратилась»:

...ужъ коли зло пресѣчь,
Собрать всѣ книги бы, да сжечь...

(съ этимъ фактомъ мы еще встрѣтимся ниже); Молчалинъ дошелъ до степеней извѣстныхъ и засѣдалъ въ послѣдствіи въ бутурлинскомъ комитетѣ, а Скалозубъ стоялъ на верхней ступени лѣстницы официальнаго мѣщанства, считалъ «мундиръ, одинъ мундиръ» панацеей спасенія и зычно покрикивалъ: «не разсуждать—повиноваться!»...

Но не въ борьбѣ съ этимъ официальнымъ мѣщанствомъ погибъ Чацкій, равно какъ и въ послѣдствіи погибли Онѣгинъ, Печоринъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь; всѣ они цали въ борьбѣ съ тѣмъ этическимъ мѣщанствомъ, мѣщанствомъ окружающей жизни, которое царило тогда вокругъ и, конечно, углубляло свои корни въ болото официального мѣщанства. Чацкому, какъ и всей русской интеллигенціи той эпохи—вспомнимъ слова декабриста Якушкина—«было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать бол-

товню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ» (вспомнимъ негодование Фамусова на то, что теперь все идетъ «на новый ладъ»); и Чацкого губить та мѣщанская «чернь», «толпа», которая черезъ немного лѣтъ погубила Пушкина, та самая толпа, которой Чацкій впервые осмѣлился кинуть въ лицо вызовъ. Борьба съ мѣщанствомъ кончилась для него фатально: пошлое, торжествующее мѣщанство вышвырнуло изъ своей среды безумца, осмѣливагося идти противъ всѣхъ (въ то время какъ «можно-ль противъ всѣхъ?!» — съ ужасомъ восклицаетъ княжна Зизи или Мими), противъ свѣтской толпы и черни; оно принудило его искать спасенія въ одиночествѣ, «искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», искать мѣста въ жизни, гдѣ не давила бы его гнетущая пошлость мѣщанства.

Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?
Всѣ гонять, всѣ клануть! Мучителей толпа—
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ.
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ,
Кто съ вами день пробыть съумѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ...

Въ этомъ заключительномъ монологѣ Чацкого сказала вся сила ненависти его къ мѣщанству—и въ то же самое время вся сила мѣщанства, безъ особой борьбы съумѣвшего уничтожить перваго храбреца, осмѣливагося бросить ему вызовъ. Мы увидимъ далѣе, что борьба съ Пушкинымъ была для окружающаго его мѣщанства уже значительно труднѣе, хотя и его оно принудило, подобно Чацкому, уйти въ одиночество, въ одиночество эстетическаго индивидуализма; съ Лермонтовымъ борьба была еще труднѣй, такъ какъ Лермонтовъ впервые и съ колоссальной силой напалъ не на тѣ или инья проявленія мѣщанства, а на самую суть его, на мѣщанство жизни *an und für sich*. За Грибоѣдовымъ остается слава перваго бойца на этомъ полѣ; тѣсныя нити, связующія его, какъ и Пушкина, съ декабристами, показываютъ намъ, что въ идеологіи послѣднихъ борьба съ этическимъ мѣщанствомъ стояла рядомъ съ борьбой за освобожденіе личности.

Мы уже познакомились съ молодымъ Пушкинымъ до 1825 года, съ его послѣдовательнымъ восхожденіемъ по всѣмъ ступенямъ литературнаго мѣщанства; мы видѣли, что въ то же самое время онъ перешель отъ проблесковъ этического индивидуализма Карамзина и болѣе яркаго эстетическаго индивидуализма Жуковскаго къ бурному соціологическому индивидуализму, проявившемуся въ формѣ псевдоромантическаго байронизма. Надо замѣтить кромѣ того, что въ молодые годы у Пушкина была полу-безсознательная попытка разсѣчь гордіевъ узелъ проблемы индивидуализма сочетаніемъ общественныхъ тенденцій съ запросами реальной личности. Своимъ юношескимъ эпикуреизмомъ Пушкинъ, черезъ Батюшкова, протягивалъ руку Державину.

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ,—

по выраженію самого Пушкина, хотя наивный полу-дѣтскій эпикуреизмъ екатерининскаго вельможи былъ чѣмъ-то весьма примитивнымъ по сравненію съ необузданнымъ эпикуреизмомъ Пушкина, лицейское прозвище котораго недаромъ было: «смѣсь обезіаны съ тигромъ»... (II, 54). Въ то же время Пушкина волновали «вольнo-любивыя мечты»; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ горѣлъ на огнѣ общественно-политической дѣятельности, какъ бы ни были узки ея рамки, и опять-таки недаромъ онъ смѣлъ сказать про себя въ концѣ жизни: «вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу». Такимъ образомъ Пушкинъ пытался перекинуть мостъ между Радищевымъ и Державинымъ, общественное теченіе слить съ индивидуалистическимъ еще до своего увлеченія соціологическимъ индивидуализмомъ, конечно, попытка могла выйти только неудачной, вмѣсто слянія вышло смѣшеніе, и вліяніе событій 1825 года на мировоззрѣніе Пушкина ясно показываетъ, насколько смѣшеніе это было искусственнымъ.

Послѣ 1825 года Пушкинъ быстро порываетъ съ соціологическимъ индивидуализмомъ; правда, окончательно заглушить его ростки въ своей душѣ онъ никогда не былъ въ состояніи, на чтò мы еще обратимъ вниманіе, но во всякомъ случаѣ вмѣстѣ съ казнью декабристовъ умираетъ и бурный псевдоромантическій индивидуализмъ Пушкина. Вообще вмѣстѣ съ декабристами погибъ и русскій художественный романтизмъ, ибо въ произведеніяхъ Бестужева-Марлинскаго мы имѣемъ уже разложеніе и вырожденіе псевдоромантизма, а философскій романтизмъ 30-хъ годовъ не идетъ въ счетъ, какъ не проявившій себя въ литературѣ никакими творческими художествен-

ными образами (единственное исключение—кн. В. Одоевскій, о которомъ у насъ еще будетъ рѣчь въ главѣ VI; Веневитиновъ же умеръ слишкомъ молодымъ, на порогѣ своей дѣятельности, чтобы его можно было считать художественнымъ представителемъ философскаго романтизма среди русской интеллигенціи). Вторая четверть XIX вѣка началась, такимъ образомъ, съ полного пораженія литературнаго мѣщанства и съ гибели русскаго романтизма въ литературѣ; мѣсто романтическаго міровоззрѣнія занимаетъ міровоззрѣніе реалистическое.

Подъ реализмомъ, не какъ историко-литературной, не какъ гносеологической, а какъ психологической категоріей, мы понимаемъ нѣчто діаметрально противоположное романтизму. Реализмъ—это общее и вѣчное свойство человѣческаго духа, стремленіе къ эмпирической дѣйствительности, любовь къ земному, добровольное ограниченіе себя пространствомъ трехъ измѣреній; реализмъ—это неутомимая любовь къ «человѣческому слишкомъ человѣческому», любовь къ «предѣламъ предѣльнаго» и полное отрицаніе стремленій и проникновеній за эти предѣлы. Это, конечно, не исключаетъ личности въ воззрѣніяхъ реалиста самыхъ возвышенныхъ идеаловъ, но идеалы эти—изъ плоти и крови, они тѣсно связаны съ землей, съ эмпирической дѣйствительностью. Даже религіозные идеалы реализма въ величайшей степени окрашены въ цвѣтъ эмпирической дѣйствительности и совершенно враждебны мистицизму; *философскій реализмъ есть рационализмъ*, въ его многоразличныхъ формахъ (мы противопоставляемъ здѣсь рационализмъ всему иррациональному). Ко всему «потустороннему», трансцендентному, запредѣльному реализмъ чувствуетъ глубокую антипатію; какъ Фаустъ онъ можетъ сказать:

Du, Geist der Erde, bist mir näher,

и подобно Фаусту реализмъ можетъ повторить съ гордымъ сознаніемъ своей правоты:

Aus dieser Erde quillen meine Freuden,
Und diese Sonne scheinete meinen Leiden...

А потому всякое стремленіе «къ новому солнцу и къ мірамъ инымъ реализму совершенно чуждо: его ненависть и любовь живутъ на этой землѣ, подъ этимъ солнцемъ, въ мірѣ трехъ измѣреній.

Реализмъ и романтизмъ—двѣ вѣчныхъ, основныхъ категоріи человѣческаго духа, рѣзко враждебныя другъ другу. Конечно, такое подраздѣленіе (какъ и всякое) по существу своему схематично, но за этой схемой лежитъ дѣйствительность: хотя въ одномъ и томъ же

человѣкъ могутъ совмѣщаться, чаще всего полубезсознательно, элементы и реализма, и романтизма, однако преобладающій элементъ ярче всего опредѣляетъ собою индивидуальность. Бываютъ трагическіе случаи, когда оба эти элемента находятся въ человѣкѣ какъ бы въ состояніи подвижного равновѣсія, и мы тогда присутствуемъ при той мучительной борьбѣ раздвоенія, которую мы будемъ наблюдать въ Лермонтовѣ и въ лишнихъ людяхъ. Бываютъ случаи, когда человѣкъ насильственно хочетъ привить своей душѣ несродный ей типъ міросознанія: такъ русскіе псевдо-романтики, типичные реалисты въ глубинѣ души, тщетно силились возжечь въ себѣ стремленіе за предѣлы предѣльнаго; такъ нѣкоторые типичные романтики гибли и задыхались въ несвойственномъ имъ реализмѣ (наиболѣе яркіе примѣры—Успенскій и Гаршинъ). Какъ бы то ни было, но раздѣленіе людей по психологическимъ типамъ на романтиковъ и реалистовъ является однимъ изъ основныхъ и особенно интересныхъ для насъ въ данную минуту, ибо именно Пушкинъ (о предшественникахъ его мы говорили выше) первый закрѣпилъ въ русской литературѣ и русской жизни тотъ реализмъ, который затѣмъ полновластно царилъ въ ней почти три четверти вѣка. Мы, конечно, говоримъ здѣсь о реализмѣ не только какъ о литературномъ теченіи, но и какъ объ опредѣленномъ психологическомъ типѣ.

Чѣмъ объясняется эта полоса реализма въ русской жизни и русской литературѣ? Во всякомъ случаѣ не однѣми общественными, соціологическими и культурно-историческими причинами; тутъ есть налицо еще тотъ ирраціональный остатокъ, который присущъ всему индивидуальному. Стремленіе «за предѣлы предѣльнаго» могло быть въ то время среди русской интеллигенціи только случайнымъ, мимолетнымъ, такъ какъ стремленіе это только тогда имѣетъ крылья, когда «предѣлы» эти дѣйствительно твердо и до конца пройдены; молодая же русская интеллигенція того времени еще только робко подступала ко всему «предѣльному», а потому и не могла не стать реалистической. Всякая попытка искренняго романтизма должна была или впасть въ псевдо-романтизмъ—что мы и видѣли яснѣе всего на Жуковскомъ, или закончиться неминуемымъ быстрымъ крахомъ—что мы и видимъ на примѣрѣ російскихъ шеллингянцевъ, людей 30-хъ годовъ.

Итакъ, совершенно независимо отъ Пушкина реализмъ неизбежно долженъ былъ прийти въ русскую жизнь и литературу; заслуга Пушкина въ томъ, что онъ впервые съ громадной силой творческаго генія проявилъ и закрѣпилъ въ литературѣ это теченіе.

Пушкинъ является въ русской жизни и литературѣ однимъ изъ величайшихъ представителей реализма въ томъ его значеніи, выяснить которое мы пытались выше; онъ является типичнымъ представителемъ реалистическаго міровоспріятія, реалистическаго типа сознанія. Пушкинъ всегда тяготѣлъ къ реализму по самому свойству своей натуры; его всегда тянуло и влекло къ земному міру, къ пространству трехъ измѣреній, къ эмпирической дѣйствительности, къ реальной личности, къ живому человѣку, какъ это уже многими было отмѣчено. Вотъ почему онъ такъ скоро почувствовалъ, что романтизмъ—не его область, что онъ не годится въ герои романтическаго стихотворенія. Будучи еще псевдо-романтикомъ въ періодъ своего байронизма, онъ явно высказывалъ свое отвращеніе къ сути романтизма, на примѣръ, къ романтизму-религіозному, и въ качествѣ вѣрнаго ученика Вольтера «бралъ уроки чистаго атеизма».

Разорвавъ съ налускнымъ романтизмомъ, Пушкинъ одновременно нанесъ этимъ послѣдній ударъ литературному мѣщанству и сдѣлалъ послѣдній шагъ по направленію къ реальной личности. Еще въ сентиментализмѣ на первый планъ были поставлены непосредственныя переживанія живого, одѣтаго въ плоть и кости человѣка; но тамъ реальная личность отнюдь не была реалистическимъ типомъ, да къ тому же и эти непосредственныя переживанія брались подъ вполне условнымъ угломъ зрѣнія. Реализмъ ввелъ въ литературу и въ жизнь интересы въ полномъ смыслѣ слова реальной личности, и притомъ очевидно исключительно личности эмпирической. «Человѣкъ» есть понятіе соціологическое, абстрагируя которое мы можемъ говорить о «соціологической личности»; «личность» есть понятіе этическое, позволяющее говорить объ «этической личности»; эмпирическая личность есть прежде всего «человѣческая личность», т.-е. понятіе и соціологическое и этическое. Эта эмпирическая личность, взятая съ точки зрѣнія индивидуальныхъ переживаній, и составляетъ главное содержаніе реализма, въ то время какъ основнымъ содержаніемъ романтизма является метафизическая личность. Пользуемся случаемъ еще разъ замѣтить, что въ послѣдующемъ намъ придется говорить исключительно объ эмпирической личности, такъ какъ къ личности метафизической русская интеллигенція обратилась только въ XX-мъ вѣкѣ, въ эпилогъ исторіи индивидуализма въ XIX-мъ столѣтіи; это и неудивительно, такъ какъ мы уже замѣтили, что послѣ Пушкина реализмъ царилъ почти безраздѣльно въ теченіе трехъ четвертей вѣка. Индивидуализованная эмпирическая личность, иначе говоря, личность реаль-

ная, была введена Пушкинымъ въ качествѣ реалистическаго типа и въ русскую литературу.

Такимъ образомъ литературный реализмъ есть, подобно романтизму, только частный случай проявленія въ художественномъ словѣ опредѣленнаго психологическаго типа. Въ русской литературѣ реалистическій типъ господствовалъ до конца XIX-го вѣка (какъ мы это увидимъ дальше—до Чехова); Крыловъ и Грибоедовъ были его предтечами, а Пушкинъ былъ его пророкомъ и пѣвцомъ. Еще ранѣе 1825 года въ Пушкинѣ постоянно сказывалось стремленіе къ эмпирической дѣйствительности, къ живому человѣку: «равнодушная природа» сіяетъ для Пушкина «мертвою красою», его радуетъ только «младая жизнь»; самыя картины природы у Пушкина безжизненны, если нѣтъ среди нихъ человѣка. Историки литературы неоднократно подчеркивали полное отсутствіе пантеистическаго чувства у Пушкина; критеріемъ и мѣриломъ окружающей природы для него неизбѣжно служить человѣческая личность. Этимъ выставленіемъ на первый планъ реальной личности, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ объясняется и социологическій индивидуализмъ, въ которомъ у Пушкина элементъ абстрактнаго человѣка совершенно сходилъ на нѣтъ. Въ своемъ индивидуализмѣ Пушкинъ совмѣщалъ тогда всѣ три его вида, и, требуя полного освобожденія личности какъ социологическій индивидуалистъ, онъ въ то же время вслѣдъ за Карамзинымъ дѣлалъ шаги по направленію этического индивидуализма въ своемъ «гуманитетѣ» (недаромъ основнымъ свойствомъ его поэзіи Бѣлинскій признаетъ гуманность, «разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка»); въ то же самое время онъ вслѣдъ за Жуковскимъ приближался въ области лирики къ эстетическому индивидуализму (недаромъ въ самыхъ первыхъ его пьесахъ Бѣлинскій видитъ «сильную, одушевленную субъективнымъ стремленіемъ личность»). Трудно сказать, какъ развивался бы далѣе Пушкинъ по всѣмъ этимъ направленіямъ, если бы теченіе его жизни и всей русской общественной жизни продолжало бы идти впередъ безъ рѣзкихъ поворотовъ; но въ жизни Пушкина случилась ссылка въ Михайловское, въ жизни русской интеллигенціи—1825-ый годъ.

«Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer» — говоритъ Пушкинъ, окончивъ въ 1825-мъ году «Бориса Годунова» (VII, п. 143); если прибавить, что въ томъ же году Пушкинымъ написаны IV-ая глава «Евгенія Онѣгина», «Женихъ», «Графъ Нулинъ» и др., то надо будетъ признать, что сознаніе

Пушкина не обмануло его: онъ дѣйствительно созрѣлъ для творчества, и Мицкевичъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть послѣ прочтенія трагедіи Пушкина—«tu Shakespeare eris, si fata sinant». Хотя Пушкинъ въ наивности души и полагалъ, что имъ написано «истинно-романтическое» произведеніе, но въ дѣствительности это былъ разрывъ съ романтизмомъ, разрывъ съ литературнымъ мѣщанствомъ, гениальное провозглашеніе принциповъ литературнаго реализма. Разрывъ съ романтизмомъ, конечно, еще не знаменовалъ собою разрыва съ соціологическимъ индивидуализмомъ; но къ этому принудили Пушкина результаты событій 1825-го года.

Результатомъ этихъ событій была система оффиціального мѣщанства, съ которой мы познакоимся въ слѣдующей главѣ. Личность въ борьбѣ за самоосвобожденіе была раздавлена государствомъ; Левіаѳанъ торжествовалъ; просвѣта надежды не было никакого. Русская интеллигенція, эта носительница идеи личности, была разгромлена; немногіе выброшенные грозою на берегъ должны были затаить глубоко въ душѣ прежніе идеалы. Мало-по-малу смирился и Пушкинъ; глубокій реалистъ, онъ увидѣлъ, что въ эпоху оффиціального мѣщанства идеалы соціологическаго индивидуализма не реальны, не осуществимы; бороться же за нихъ во что бы то ни стало онъ не могъ, такъ какъ никогда не былъ бойцомъ. Но въ то же самое время идея личности была ему слишкомъ дорога, чтобы съ легкимъ сердцемъ пожертвовать ею торжествующему Левіаѳану; надо было найти выходъ изъ этой дилеммы. И вотъ Пушкинъ все болѣе и болѣе начинаетъ склоняться отъ соціологическаго къ эстетическому индивидуализму; этому способствовала еще, какъ мы это увидимъ, ожесточенная борьба Пушкина съ мѣщанствомъ: презирая его, поэтъ затворился въ гордомъ одиночествѣ эстетическаго индивидуализма. Пушкинъ не отрекся отъ былыхъ идеаловъ, но перенесъ ихъ цѣликомъ въ другую область; онъ не палъ, а, по вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго, «сдѣлался самимъ собой, но, по несчастію, въ такое время, которое было очень неблагоприятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство и мало пріобрѣтало общество. Какъ бы то ни было, нельзя винить Пушкина, что онъ не могъ выйти изъ заколдованнаго круга своей личности»...

Эстетическій индивидуализмъ Пушкина приводитъ насъ прежде всего къ вопросу объ его отношеніи къ теоріи искусства для искусства; къ сожалѣнію, мы не можемъ пройти мимо этого стараго, жеваннаго и всѣмъ надоѣвшаго вопроса. Вскрыть обычную ошибку

въ рѣшеніи этого вопроса—какъ со стороны утилитаристовъ, такъ и со стороны представителей «чистаго искусства»—мы попытаемся впоследствии (см. т. II, гл. V), и дадимъ посильное рѣшеніе этой проблемы по нашему крайнему разумѣнію... Теперь мы ограничимся только самымъ необходимымъ, и прежде всего укажемъ, что именно Пушкинъ со своими литературными сверстниками закрѣпилъ въ русской литературѣ теорію искусства для искусства, какъ ни стараются снять съ него это тяжкое обвиненіе нѣкоторые критики; и быть можетъ въ этомъ одна изъ главныхъ заслугъ Пушкина передъ русской литературой. Онъ первый ясно и опредѣленно высказалъ, что *въ области художественнаго творчества* должно руководиться только и исключительно принципомъ искусства для искусства, что тенденціозное искусство есть уже ремесленничество; но въ то же время онъ никогда не утверждалъ, что принципъ чистаго искусства долженъ быть примѣненъ *къ самому художнику*, какъ это впоследствии сдѣлали эстеты восьмидесятыхъ годовъ; никогда онъ не утверждалъ, что поэтъ долженъ всецѣло уйти въ искусство и въ немъ одномъ видѣть цѣль и смыслъ жизни. *Цѣль искусства—въ искусствѣ, но цѣль художника, какъ человека—въ самой жизни*: такова была, какъ можно предполагать, мысль самого Пушкина, при чемъ главное свое вниманіе онъ обращалъ на первую половину этого положенія. Жизнь во всей ея широтѣ всегда притягивала къ себѣ величайшаго изъ нашихъ реалистовъ; но въ искусствѣ онъ не признавалъ никакихъ стѣсняющихъ поэта рамокъ тенденціи или пользы. Въ этомъ своемъ эстетическомъ индивидуализмѣ онъ шелъ по стопамъ Жуковскаго, но шелъ сознательно и съ открытыми глазами, въ то время какъ Жуковскій все время пытался ухватиться за призракъ пользы, цѣли въ искусствѣ; интересно при этомъ, что именно Жуковскій своей лирикой открылъ дорогу эстетическому индивидуализму въ русской литературѣ, и самъ же испугался своего индивидуализма. Въ одномъ изъ писемъ къ Пушкину онъ предлагаетъ ему первое мѣсто на русскомъ Парнасѣ, «если съ *высокостью гения* соединить и *высокость цѣли*», подчеркиваетъ Жуковскій; въ другой разъ онъ пишетъ: «я не знаю ничего совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего гения? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?»... (Письма 1824—5 гг.). Вѣроятно, желая создать нѣчто «высокое» для отечества, которое такъ нуждается въ этомъ, Жуковскій нѣсколько лѣтъ спустя снова принялся за свои баллады, до верху напоенныя чертями, мертве-

цами, вѣдьмами, вранами и прочими ужасами, хотя и не выяснилъ, въ чемъ была здѣсь высокая цѣль? И вступавшій на путь эстетическаго индивидуализма Пушкинъ великолѣпно отвѣтилъ своему побѣжденному учителю: «ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не украсть этого). «Думы» Рылѣева цѣлятъ, а все невпопадъ» (VII, п. 116).

Такъ Пушкинъ вступилъ на путь эстетическаго индивидуализма, принципы котораго приблизительно въ то же самое время были имъ высказаны въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ (1824 г.)». Здѣсь впервые Пушкинъ свое одиночество, свой разрывъ съ «презрѣнной чернью» возводитъ на степень индивидуалистическаго принципа.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернью забытый
Безъ имени покинулъ свѣтъ!

И чѣмъ дальше, тѣмъ больше замыкался Пушкинъ въ гордомъ одиночествѣ эстетическаго индивидуализма; если онъ иногда и приближался даже къ ультра-индивидуализму, къ эстетизму—заявляя, на примѣръ, что не только цѣль поэзіи—поэзія, но и цѣль поэта—поэзія, что художникъ рожденъ исключительно

... для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ,

то это было только мимолетнымъ облачкомъ, не оставляющимъ тѣни на свѣтломъ и широкомъ міровоззрѣніи Пушкина. Обращаясь къ поэту съ ясно выраженнымъ принципомъ эстетическаго индивидуализма, Пушкинъ въ то же время указывалъ ему и на широту жизни, на необъемлемость эмпирическаго міра: не случайно почти одновременно написаны имъ стихотворенія «Поэту» (1830) и «Эхо» (1831 г.). Въ первомъ изъ нихъ—яркая проповѣдь эстетическаго индивидуализма:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ...

Это лучший завѣтъ художнику, кѣмъ-либо и когда-либо данный до настоящаго времени: всякое искусство мыслимо только какъ чистое искусство, истинный художникъ свободенъ отъ всякой тенденціи:

Вс ерше / Спешно

. . . вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ...

(III, 556).

Но въ то же самое время поэтъ долженъ быть *человѣкомъ*, онъ долженъ откликаться своимъ сердцемъ на всѣ звуки окружающаго его міра,—

Реветь ли звѣрь въ лѣсу густомъ,
Трубить ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поеть ли дѣва за холмомъ...

Однимъ словомъ, цѣль поэзіи—поэзія, но цѣль поэта—вся широта человѣческой жизни. Этимъ признаніемъ Пушкинъ счастливо избѣжалъ крайностей эстетическаго ультра-индивидуализма и не впалъ въ узкій, мѣщанскій эстетизмъ; съ другой стороны, въ равной мѣрѣ избѣжалъ онъ и подчиненія какой бы то ни было тенденціи въ своемъ поэтическомъ творествѣ. Кумиръ пользы казался ему главнымъ богомъ мѣщанской толпы и утилитарная теорія искусства ему претила: «Мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда,— писалъ Пушкинъ въ томъ же 1830 году:—мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть польза» (V, 141). Мы впослѣдствіи увидимъ, какъ эти же понятія расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ уже въ шестидесятихъ годахъ...

Какъ глубоко затрагивали Пушкина всѣ эти мысли, можно видѣть хотя бы по одному тому, что въ цѣломъ рядѣ произведеній того времени (1830 г.) онъ касается или этихъ мыслей, или вызванныхъ ими настроеній. Въ «Скупомъ Рыцарѣ» Пушкинъ обращается къ психологіи одиночества, къ психологіи того человѣка, который можетъ сказать самъ себѣ—«ты царь—живи одинъ», подобно поэту; наоборотъ, и пушкинскій «Поэтъ» могъ бы сказать словами скупого рыцаря:

Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу...
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...
Я царствую!..

Гордое сознаніе мощи, гордое одиночество—оно было особенно близко сердцу Пушкина именно въ это время, какъ мы видѣли выше; на этой

почвѣ далъ обильные плоды его эстетическій индивидуализмъ. Но это только первая половина идеи Пушкина; вторая половина заключена въ признаніи необходимости широкаго кругозора, безпрестаннаго проникновенія въ кипящую жизнь со стороны гордаго въ своемъ одиночествѣ человѣка. Этой идеи Пушкинъ коснулся въ «Моцартъ и Сальери», оконченномъ черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Сущность «Моцарта и Сальери»—развитіе идеи о взаимоотношеніи между гениемъ и талантомъ: эта характеристика, съ легкой руки Бѣлинскаго, сохранилась во всей своей неприкосновенности до нашего времени. Въ этомъ, однако, заключена только часть истины. Сальери не талантъ, онъ ремесленникъ въ искусствѣ, хотя въ то же время ярый поборникъ теоріи чистаго искусства; онъ анатомируетъ искусство какъ трупъ и думаетъ достигнуть совершенства «усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ»: онъ увѣренъ даже, что уже «въ искусствѣ безграничномъ достигнулъ степени высокой». Пусть добродушный и гениальный Моцартъ признаетъ его даже гениемъ, наравнѣ съ собой, это ничего не доказываетъ: вѣдь и Пушкинъ признавалъ въ такихъ посредственностяхъ, какъ Дельвигъ и кн. Вяземскій, прекрасный талантъ и вдохновенности! Непосредственный гений Моцарта, широкаго при всей своей глубинѣ, противопоставляется узкому ремесленничеству Сальери; «праздный гуляка» Моцартъ, способный «остановиться у трактира и слушать скрипача слѣпого», способный возиться на полу съ своимъ мальчишкой въ то время, когда носить въ своей душѣ божественное произведение—противопоставляется узкому эстету Сальери, который «упрямо и надменно» отрекся отъ всего и «предался одной музыкѣ», отвергнувъ и «науки, чуждыя музыкѣ», и «праздныя забавы». Такимъ образомъ, если въ Моцартѣ Пушкинъ видитъ свободнаго гения, для котораго *цѣль искусства—искусство* (а вѣдь самъ Моцартъ причисляетъ себя къ числу людей,

Пренебрегающихъ презрѣнной пользой
Единого прекраснаго жрецовъ),

то въ Сальери онъ казнитъ эстетическое мѣщанство, полагающее, что *исключительная цѣль челоѣка—искусство*; въ Моцартѣ—широта и гений, въ Сальери—ремесленничество и специализація.

Самъ Пушкинъ, конечно, былъ Моцартомъ, а не Сальери: онъ никогда не унижался до эстетизма, онъ всегда откликался, какъ эхо, на всѣ отзвуки современности. Правда, общественныя движенія были для него послѣ 1825 года закрытой книгой, но вѣдь это именно были годы, когда разгромленная русская интеллигенція еще не успѣла со-

браться съ силами для новой борьбы на жизнь и на смерть; этимъ объясняется и постепенный переходъ Пушкина отъ соціологическаго къ эстетическому индивидуализму. Впрочемъ, быть можетъ, самъ Пушкинъ понималъ, что роскошные плоды эстетическаго индивидуализма въ угнетающую эпоху официальнаго мѣщанства—своего рода «Пиръ во время чумы» (написанный имъ, къ слову сказать, одновременно съ «Моцартомъ и Сальери» и «Скупымъ Рыцаремъ»); но, повторяемъ еще разъ, бойцомъ онъ не родился. Поэтому въ концѣ концовъ онъ неизбѣжно пришелъ отъ эстетическаго индивидуализма къ политико-общественному индифферентизму, что съ особенной яркостью сказалось въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній Пушкина «Изъ VI Пиндемонта». Надо замѣтить однако, что проблемы соціологическаго индивидуализма попрежнему глубоко интересовали Пушкина; вопросъ о взаимоотношеніи личности и общества дважды поднимается имъ послѣ 1825 года: сначала онъ пишетъ поэму «Галубъ» (1829—1833 г.), а затѣмъ, не окончивъ ее, пишетъ *на ту же самую тему* «Мѣднаго Всадника» (1833 г.). Общая тема двухъ этихъ столь различныхъ поэмъ—«трагическая коллизія между обществомъ и человекомъ», говоря словами Бѣлинскаго.

Въ «Галубѣ» Пушкинъ явно стоитъ еще на сторонѣ личности въ ея борьбѣ съ обществомъ. По оставшейся въ тетрадяхъ Пушкина программѣ этой неоконченной поэмы можно предполагать, что содержаніе ея должно было заключаться приблизительно въ слѣдующемъ: Тазить—черкесь-христіанинъ—воспитанный вдали отъ роднаго аула, возвращается подъ сѣнь отцовскаго дома; сталкиваются два міровоззрѣнія, свободно развившаяся личность сталкивается съ деспотизмомъ общественнаго уклада. Отцу Тазита, этому типичному представителю общества, нужны въ сынѣ

Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ;

ему нужно, чтобы сынъ притащилъ на арканѣ бѣжавшаго раба, чтобы онъ нечаяннымъ ударомъ свалилъ проѣзжавшаго съ товаромъ купца, чтобы онъ принесъ отцу голову убійцы своего брата. Тазить безмолвно отказывается сдѣлать и то, и другое, и третье. Происходитъ рѣзкій разрывъ: общество, въ лицѣ отца, съ проклятьемъ изгоняетъ осмѣлившуюся быть самостоятельной личность; Тазить удаляется въ тотъ аулъ, гдѣ живетъ любимая имъ дѣвушка, но теперь—

. . . горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...

Горе той личности, которая осмѣлилась проявить свою индивидуальность въ разрѣзъ съ желаніями общества: Тазитъ обреченъ на гибель. Святство Тазита очевидно отклонено съ презрѣніемъ отцомъ его подруги сердца: на отверженномъ членѣ общества, на челоуѣкѣ иного міровоззрѣнія лежитъ клеймо позора. Тазитъ съ отчаяніемъ удаляется, но не отказывается отъ борьбы: онъ хочетъ привить изгнаншему его обществу свою мораль, свои этическія воззрѣнія—вѣдь онъ христіанинъ. Поэтому онъ дѣлается монахомъ и черезъ нѣкоторое время идетъ миссіонерствовать въ свои родные аулы. Какъ-разъ въ это время въ горахъ Кавказа идетъ война и Тазитъ попадаетъ въ разгаръ кипящаго сраженія, быть можетъ, между двумя племенами, между двумя аулами. Онъ, проповѣдникъ всемірной любви, вѣроятно желаетъ остановить преступное кровопролитіе между родными ему по крови людьми, и гибнетъ самъ какъ челоуѣкъ внѣ закона, какъ челоуѣкъ отвергнутый обществомъ, гибнетъ, быть можетъ, отъ руки своего же отца.

Таково, насколько возможно догадаться, содержаніе этой поэмы (III, 547). Мы видимъ, что въ ней личность погибаетъ въ борьбѣ съ обществомъ, но—и это самое важное—не побѣждается имъ. Тазитъ умираетъ если не побѣдителемъ, то и не побѣжденнымъ: общество не заставило его отказаться ни отъ единой іоты его вѣрованій и мнѣній, а наоборотъ, только усилило и укрѣпило ихъ. Такъ въ послѣдствіи погибли, подобно Тазиту, и Пушкинъ, и Лермонтовъ въ борьбѣ съ окружавшимъ ихъ мѣщанствомъ: погибли—но не были побѣждены; судьба Тазита—судьба самого Пушкина. И Пушкинъ относится къ Тазиту мягко и любовно; *онъ весь на сторонѣ юнимой общественности, хотя и признаетъ почти полную неизбѣжность ея гибели*,—такова тема, разработанная Пушкинымъ въ «Галубѣ».

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» эта же самая тема разрабатывается Пушкинымъ уже нѣсколько иначе. *Личность не только погибаетъ, но и побѣждается государствомъ*, и Пушкинъ какъ бы предлагаетъ личности смириться передъ поглощающимъ ее Левіаѳаномъ, олицетворенномъ въ образѣ Мѣднаго Всадника. Съ одной стороны—Петръ, гигантъ на бронзовомъ конѣ, властно вздергивающій уздой желѣзной Россію на дыбы, властно подавляющій права личности ради блага всего государства, властно воздвигающій «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» огромный городъ на гибель сотнямъ и тысячамъ отдѣльныхъ личностей; съ другой стороны—представитель этихъ послѣднихъ единичная и довольно безцвѣтная личность, быть можетъ, даже слишкомъ безцвѣтная, почти ничтожная, но противопоставляемая стихійной обще-

ственной силѣ гиганта изъ мѣди и бронзы. На чьей сторонѣ симпатіи Пушкина?

Бѣлинскій считалъ эту поэму грандіозной апоѳеозой Петра Великаго: «при взглядѣ на Великана... мы хотя и не безъ содроганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства»... Нѣтъ сомнѣнія, что такова была и мысль самого Пушкина: недаромъ онъ наказываетъ сумасшествіемъ своего безцвѣтнаго героя за его дерзкое проклятiе стихійной силѣ того,

... чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Но въ то же самое время мы жестоко ошибемся, если предположимъ, что Пушкинъ окончательно разорвалъ съ соціологическимъ индивидуализмомъ; ошибка эта станетъ наиболѣе ясной изъ того двойственного отношенія къ Петру, которое такъ часто замѣчалось у Пушкина. Въ то же самое время, когда Пушкинъ такъ или иначе рѣшалъ проблему соціологическаго индивидуализма въ двухъ вышеуказанныхъ поэмахъ, онъ былъ увлеченъ планомъ написать исторію Петра Великаго и съ 1831 года до конца своей жизни тщательно собиралъ матеріалы для этой исторіи. Надо думать, что въ Петрѣ его именно интересовала стихійная сила государственности, подавляющая личность; по крайней мѣрѣ плодомъ изученія этихъ матеріаловъ явился «Мѣдный Всадникъ». Но и въ этихъ матеріалахъ, равно какъ и въ поэмѣ можно найти на ряду съ признаніемъ заслугъ Петра и рѣзкія выходки противъ его подавляющей личности системы. Въ «Мѣдномъ Всадникѣ», въ утерянномъ и до сихъ поръ не возстановленномъ монологѣ Евгенія передъ памятникомъ Петра выраженъ былъ яркій протестъ поглощенной безжалостнымъ Левіаѳаномъ индивидуальности; мы можемъ только догадываться, какая сила была вложена въ уста личности, проклинаящей пресловутую «историческую необходимость», такимъ глубокимъ индивидуалистомъ, какъ Пушкинъ: недаромъ монологъ этотъ (въ 30—40 стиховъ) производилъ потрясающее впечатлѣніе при чтеніи поэмы самимъ Пушкинымъ¹⁾. Къ этому надо прибавить, что къ самому Петру Пушкинъ подчасъ чувствовалъ ненависть такую же, какъ и несчастный герой его поэмы; по словамъ Анненкова («Вѣстникъ Европы»

¹⁾ Такъ передаетъ кн. П. Вяземскій, лично слышавшій этотъ отрывокъ и указывавшій на другихъ лицъ, также слышавшихъ его. Однако рассказъ этотъ ничѣмъ не подтвержденъ, а потому и подвергается сомнѣнію.

1880 г., № 6), имѣвшаго случай прочесть полностью также утраченныя замѣтки Пушкина къ исторіи Петра Великаго, замѣтки эти отличаются иногда крайней рѣзкостью. «Изданъ тиранскій указъ...» «Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ...», «несправедливость и жестокость...», «уничтожилъ всякую законность...»,—такими выраженіями полны эти замѣтки Пушкина, который не могъ не видѣть, какъ право и правда индивидуальности были жестоко поруганы разверзшимъ пасть Левіаѳаномъ. «У князя Меншикова—замѣчаетъ Пушкинъ къ 1711—1714 гг.—на фейерверкерѣ на щитѣ надпись: «идѣже правда, тамъ и помощь Божія», *однако Богъ помоиъ не намъ...*» (курсивъ Пушкина); и дѣйствительно, если на сторонѣ Левіаѳана были право и правда, то, конечно, они были не человѣческими. Это чувствовалъ Пушкинъ тѣми проблесками этического индивидуализма, которые мы у него отмѣтили выше. Вотъ почему отношеніе его къ Петру всегда было двойственнымъ; Пушкинъ высоко цѣнилъ (хотя иногда и подвергалъ критикѣ) «государственныя учрежденія» Петра, и негодовалъ на его временныя указы, «писанныя кнутомъ»: «первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторыя вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика. NB. Это *внести* въ исторію Петра, *обдумавъ*», прибавляетъ и подчеркиваетъ Пушкинъ (VI, 326—9). Эта двойственность Петра обусловливаетъ двойственное отношеніе къ нему Пушкина; соціологическій индивидуализмъ поэта колебался въ 1831—1836 г. въ ту или иную сторону въ зависимости отъ того, какое лицо Петра видѣлъ передъ собою Пушкинъ. Во всякомъ случаѣ и въ послѣдніе годы жизни поэта проблема соціологическаго индивидуализма такъ же глубоко интересовала его, какъ и въ періодъ созданія «Цыганъ» и увлеченія идеалами декабристовъ; отношеніе къ этой проблемѣ уже нѣсколько иное, но и тутъ Пушкинъ считаетъ возможнымъ безусловно стать (въ «Галубѣ») на сторону личности въ ея борьбѣ съ обществомъ и отнюдь не безусловно—на сторону представителя «государственной необходимости» въ его борьбѣ съ личностью («Мѣдный Всадникъ»).

Такимъ образомъ Пушкинъ до конца жизни разрабатывалъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу; колеблясь въ своемъ соціологическомъ индивидуализмѣ, онъ однако никогда не былъ въ этой области рѣзкимъ анти-индивидуалистомъ. Впрочемъ, мы видѣли, что въ это время центръ тяжести его идеаловъ и интересовъ былъ перенесенъ съ соціологическаго на эстетическій, а отчасти и этический индивидуализмъ. Бѣлинскій, этотъ поистинѣ великій критикъ земли русской, острымъ взглядомъ замѣтилъ это еще въ началѣ сороковыхъ

190

годовъ и закончилъ свои критическія статьи о Пушкинѣ слѣдующимъ выводомъ, подчеркивающимъ этической и эстетической индивидуализмъ нашего поэта: «Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ-художникъ и больше ничѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію какъ искусство, какъ художество. И потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство *гуманности*, разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка»... Къ этому проницательному опредѣленію можно прибавить еще только нѣсколько словъ о соціологическомъ индивидуализмѣ поэта: мы познакомились съ его отношеніемъ къ вопросу о связи личности съ обществомъ. Власть надъ личностью государства Пушкинъ, какъ кажется, признавалъ, хотя и съ большими оговорками; власть надъ личностью общества онъ зато отрицалъ самымъ категорическимъ образомъ.

Что такое для Пушкина было «общество»? Конечно, онъ не могъ понимать это слово въ научномъ соціологическомъ смыслѣ, хотя бы по одному тому, что въ то время и соціологіи-то еще не существовало. Пушкинъ постоянно противопоставляетъ личность опредѣленной *общественной группѣ*, по тѣмъ или инымъ характернымъ признакамъ послѣдней; лично онъ всю жизнь велъ борьбу съ бюрократической аристократіей, въ кругу которой судьба заставила его жить и умереть. Эта общественная группа была носительницей идеаловъ эпохи и системы оффиціального мѣщанства, и, противопоставляя этой группѣ личность—прежде всего свою личность—Пушкинъ тѣмъ самымъ объявлялъ войну мѣщанству, заполонившему жизнь. Грибоѣдовъ началъ войну съ мѣщанствомъ въ области литературы, Пушкинъ велъ ее въ самой жизни. Въ этой его борьбѣ съ мѣщанствомъ за цѣльность своей индивидуальности заключается объясненіе многихъ его теорій, воззрѣній, поступковъ, словъ, мало понятныхъ въ отдѣльности; на этомъ практическомъ проявленіи соціологическаго индивидуализма Пушкина намъ поэтому необходимо остановиться подробно. Мы коснемся личной жизни поэта, ибо не расчленяемъ насильственно художника отъ человѣка; нѣкогда Гончаровъ (въ статьѣ «Нарушеніе Воли») выразилъ мысль, что личность автора не подлежитъ суду критики: еже писахъ—писахъ, а до прочаго вамъ нѣтъ никакого дѣла, якобы можетъ заявить всякій авторъ. Этотъ характерно-мѣщанскій взглядъ лучше всего опровергается, какъ мы увидимъ, на примѣрѣ самого Гончарова; но и Пушкинъ остался бы намъ напо-

ловину неясенъ, если бы не коснулись его борьбы съ мѣщанствомъ, его личной жизни.

Общественная группа, съ которой боролся Пушкинъ, была, сказали мы, бюрократическая аристократія; въ этой борьбѣ во имя правъ личности Пушкинъ хотѣлъ найти оружіе въ правахъ аристократіи старинной, родовой. Конечно, это было исторической ошибкой, особенно послѣ 1825 года, но дѣлать изъ этой ошибки преступленіе Пушкина и объяснять его аристократизмъ камеръ-юнкерскимъ мундиромъ въ настоящее время уже, кажется, никто не рѣшится. Сословные предрасудки Пушкина коренились въ его борьбѣ съ мѣщанствомъ бюрократической аристократіи, въ его борьбѣ за права индивидуальности. «Je n'aspire qu'à l'indépendance», неоднократно повторяетъ Пушкинъ еще въ эпоху своихъ невольныхъ скитаній по Россіи; независимость писателей въ частности — его мечта: «мы не хотимъ быть покровительствуемы равными — вотъ чего п . . . ѣ Воронцовъ не понимаетъ,—пишетъ Пушкинъ Бестужеву:—онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!» «Ты сердисься, что я хвалю шестисотлѣтнимъ дворянствомъ (NB: мое дворянство старѣе) — находимъ мы въ слѣдующемъ письмѣ:—какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей?» Духъ независимости—вотъ что дорого Пушкину, но въ то же самое время онъ требуетъ полного равенства въ самой литературѣ: «въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ?» см. VII, pp. 64, 65, 72, 114, 157; V, 67 и др.). Такимъ образомъ аристократизмъ Пушкина не былъ у него сословнымъ предрасудкомъ, а имѣлъ болѣе глубокое значеніе, былъ развитъ въ цѣлую систему и имѣлъ весьма опредѣленный политическій характеръ. Пушкинъ полагаетъ, что старинная, родовая, наслѣдственная аристократія—непремѣнно наслѣдственная, ибо «l'hérédité de la haute noblesse est une garantie de son indépendance» (V, 170)—является своего рода конституціонной гарантіей, будучи сдерживающимъ моментомъ деспотизма; такая точка зрѣнія Пушкина была причиной его отрицательнаго отношенія къ бюрократической реформѣ Сперанскаго, а отчасти и Петра Великаго; табель о рангахъ, которую въ послѣдствіи Гоголь признавалъ изобрѣтеніемъ Господа Бога, была для Пушкина первопричиной всѣхъ неурядицъ русской жизни (VI, 326). Идеаль Пушкина—аристократическая олигархія, самое существованіе которой, по его мысли, было бы достаточной гарантіей общей независимости; бюрократиче-

102

ская аристократія — это parvenu-осель, лягающій демократическимъ копытомъ геральдическаго льва; къ этой высшей бюрократіи Пушкинъ былъ безпощаденъ (см. «Моя родословная» и др.).

Конечно, все это не что иное, какъ, съ одной стороны, слѣпое слѣдованіе по стопамъ графа Мордвинова, съ идеалами котораго мы уже знакомы (см. гл. III), а съ другой стороны — политическая близорукость: Пушкинъ вѣрно различалъ своего врага, но наивно искалъ спасенія въ навѣки погибшей утопіи; послѣ 14-го декабря странно было мечтать объ аристократической олигархіи. Какъ утопающій за соломинку схватился Пушкинъ за ходившую въ то время (1830 г.) молву о томъ, будто государь составилъ «проектъ новой организаціи контръ-революціи революціи Петра» (VII, п. 220); съ этой «контръ-революціей» мы познакоимся въ слѣдующей главѣ — она оказалась системой оффиціального мѣщанства. И Пушкинъ, все время пытавшійся примириться съ этой системой, кончаетъ тѣмъ, что на закатѣ своей жизни горько восклицаетъ въ своемъ письмѣ къ Чаадаеву: «il faut bien avouer, que notre existence sociale est une triste chose» (VII, п. 471)...

Какъ бы ни невѣрно оцѣнивалъ Пушкинъ общее положеніе дѣлъ и группировку классовъ, но врага своего онъ видѣлъ ясно и это самое важное; съ этимъ врагомъ онъ боролся до послѣдняго издыханія. Теперь вѣроятно никто уже не впадетъ въ ошибку Писарева и не обрушитъ громовъ на голову Пушкина за его презрѣніе къ «толпѣ», къ «черни», къ «безсмысленному народу»: слишкомъ очевидно, что всѣ эти эпитеты относятся къ той общественной группѣ, съ которой неустанно боролся нашъ поэтъ. Ненависть къ мѣщанству, воплощенному въ этой общественной группѣ, ни на минуту не умирала въ Пушкинѣ; «презрѣнная чернь», «чернь тупая», «безсмысленный народъ» (I, 311; II, 49, 94, 121, 351; V, 121 и др.) — иныхъ словъ Пушкинъ не имѣетъ въ запасѣ по отношенію къ торжествующему мѣщанству, къ той «свѣтской черни», о которой поэтъ иногда говоритъ en toutes lettres (напр., «Евгеній Онѣгинъ»; гл. VIII, строфа X); употребляя же слова «чернь» и «народъ» въ ихъ обычномъ смыслѣ, Пушкинъ именно противопоставляетъ ихъ свѣтской черни придворныхъ залъ (см. стих. «Когда великое свершалось торжество»).

Въ этой борьбѣ съ торжествующимъ мѣщанствомъ Пушкинъ былъ трагически одинокъ; слѣдствіемъ этой борьбы и этого одиночества было развитіе въ поэтѣ того эстетическаго индивидуализма, о которомъ мы уже говорили. Но — «ино дѣло — слово, ино дѣло — дѣло»: легко было сказать самому себѣ

Ты царь — живи одинъ,

легко было въ области искусства удалиться въ гордое одиночество эстетическаго индивидуализма, но нельзя было на дѣлѣ уйти изъ торжествующаго въ жизни мѣщанства. Пушкинъ былъ окруженъ этой мѣщанскою атмосферой, онъ задыхался въ ней, погибъ въ ней, и гибель эта была тѣмъ трагичнѣе, чѣмъ глубже была ненависть Пушкина къ этическому мѣщанству. Узость претила ему всегда. Еще въ 1825 г., чуть сбросивъ съ себя оковы байронизма, Пушкинъ обвиняетъ даже Байрона въ мѣщанствѣ за его узость: «*quel homme que ce Shakespeare! je n'en reviens pas,—*пишетъ онъ въ эту эпоху своего перваго знакомства съ Шекспиромъ: — *comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère*»... (VII, п. 143; ср. V, 53). Если даже въ Байронѣ Пушкинъ находилъ мѣщанство, то что же сказать объ его отношеніи къ той поистинѣ мѣщанской толпѣ, съ которой ему приходилось всю жизнь бороться?.. По поводу того же Байрона и его посмертныхъ «Записокъ» Пушкинъ раздражается рѣзкой филиппикой противъ мѣщанства: «толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи: «Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы!» Врете, подлецы: онъ и малъ и мерзокъ не такъ, какъ вы — иначе!» (VII, п. 145). Эта мѣщанская толпа прекрасно понимала, что Пушкинъ не можетъ снизойти до ея уровня, не можетъ стать «какъ всѣ», что если даже онъ споткнется на скользкомъ пути мѣщанства, то все-таки смѣло кинетъ въ глаза свѣтской черни въ отвѣтъ на ея злорадство: врите, подлецы: я даже въ мѣщанствѣ не таковъ, какъ вы, я всюду и вездѣ сохраняю свою индивидуальность. И за это безличное мѣщанство, быть можетъ, болѣе всего преслѣдовало Пушкина. Правда, самому Пушкину иногда было тяжело полное душевное одиночество; ему иногда хотѣлось жить «какъ всѣ», поступать «какъ большинство»... Съ горькой ироніей заявляетъ онъ о своемъ желаніи войти въ ряды мѣщанства: «до сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди»... (VII, п. 274). Въ это же время въ VIII-й главѣ «Евгенія Онѣгина» съ грустной ироніей рисуется обычный мѣщанскій идеаль чловѣка; онъ считаетъ счастливымъ того,

Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,

А въ тридцать—выгодно женать...

О комъ твердили цѣлый вѣкъ:

N.N.—прекрасный человѣкъ!

Напрасныя надежды войти въ колею мѣщанства! И Пушкинъ самъ скоро почувствовалъ, какъ глубоко онъ ошибся, полагая, что можетъ примириться съ мѣщанствомъ свѣтской черни, съ мѣщанствомъ окружающей жизни; именно эта попытка примиренія съ мѣщанствомъ — женитьба поэта на великосвѣтской красавицѣ, не умѣвшей ни цѣнить, ни понимать своего мужа — послужила первой причиной гибели поэта. Нельзя безъ горькаго, гнетущаго чувства читать письма послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни, особенно его письма къ женѣ, въ которыхъ вырисовывается страшная картина постепенной гибели поэта

Среди досадной пустоты

Разчетовъ, думъ и разговоровъ...

Чтобы жить «какъ люди» среди свѣтской черни, Пушкину придется съ утра до ночи работать надъ скучнымъ, нелюбимымъ дѣломъ, пускаться, что называется, во всѣ тяжкія — и писать женѣ; «Экое горе! Вижу, что непременно нужно имѣть мнѣ 80.000 доходу. И буду ихъ имѣть. Недаромъ же пустился въ журнальную спекуляцію». . И въ то же самое время отчаянныя, хватающія за сердце признанія: «я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошки деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ»...; «писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а расхода 30.000»; наконецъ утопающій въ мѣщанскомъ болотѣ великій поэтъ хватается за соломинку, за послѣднюю надежду—«плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино»: «откажусь отъ всего—и стану жить припѣваючи»... Но тутъ уже на него обрушиваются всѣ силы мѣщанства, даже съ Жуковскимъ во главѣ; его обвиняютъ въ неблагодарности, въ преступленіи, чуть-ли не въ безуміи (см. письма Жуковскаго 1834 г. іюль). Въ отвѣтъ Пушкина слышится крикъ затравленнаго человѣка: «я, право, самъ не понимаю, что со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? какая неблагодарность?» (VII, pp. 456, 430, 428, 381, 383, 399 и др.). Но мѣщанство побѣдило—Пушкинъ остался среди свѣтской черни, донимавшей великаго поэта булавочными уколами и исподтишка готовившей ему гибель: приближалось 27 января 1837 года, когда пуля ничтожнаго

представителя свѣтской черни, торжествующаго мѣщанства погубила величайшаго индивидуалиста и борца за права личности противъ мѣщанства.

Такъ погибъ въ борьбѣ съ мѣщанствомъ первый и величайшій представитель реализма среди русской интеллигенціи, первый поэтъ, достигшій апогея эстетическаго индивидуализма, стремившійся синтезировать въ себѣ эмпирическую дѣйствительность и погибшій отъ обыденности мѣщанства. Онъ погибъ, но не былъ побѣжденъ: побѣжденнымъ онъ оказался бы тогда, если бы подъ давленіемъ среды воспринялъ мораль окружающаго его міра, отказался отъ своихъ былыхъ вѣрованій; сталъ жить «какъ всѣ» въ угоду свѣтской черни и удовлетворился такой жизнью. Побѣжденъ онъ не былъ: подобно своему Тазиту онъ палъ въ борьбѣ съ обществомъ; онъ самъ предвидѣлъ свою гибель, ибо «Галубъ» написанъ какъ-разъ на тему неминуемости гибели личности въ ея трагической коллизіи съ обществомъ. Такая побѣда мѣщанства надъ личностью была пирровой побѣдой, тѣмъ болѣе безрезультатной, что еще при жизни Пушкина явился его преемникъ, во многихъ отношеніяхъ — полярная противоположность Пушкину, но въ борьбѣ съ мѣщанствомъ въ тысячи разъ болѣе опасный противникъ. Лермонтовъ снова перенесъ борьбу съ этическимъ мѣщанствомъ изъ жизни въ литературу, и, быть можетъ, до самаго конца XIX-го вѣка мѣщанство не имѣло болѣе безпощаднаго, болѣе роковаго врага.

Анти-мѣщанство Лермонтова—основа содержанія его творчества, та его сторона, которая объясняетъ намъ его съ головы до ногъ. Лермонтовъ боролся съ мѣщанствомъ не определенной общественной группы, подобно Пушкину, а съ мѣщанствомъ всего общества во его цѣломъ, съ мѣщанствомъ самой жизни, какъ таковой. Въ этомъ его оригинальная черта, кажется, до сихъ поръ мало понятая, въ этомъ его основное различіе отъ Пушкина, въ этомъ его тѣснѣйшая связь съ великимъ художникомъ, отдѣленнымъ отъ него полу-вѣкомъ—съ Чеховымъ. Анти-мѣщанство Лермонтова — ключъ ко всему его міровоздѣйствію; ненависть къ «обыденному» привела его къ яркому индивидуализму и приблизила къ тому истинному романтизму, котораго до того времени не было въ Россіи; она же вложила въ его сердце то презрѣніе къ окружающему міру, которое принято считать характернымъ лермонтовскимъ пессимизмомъ.

Лермонтовъ — пессимистъ: такое утвержденіе (по крайней мѣрѣ выраженное въ такой формѣ) кажется намъ въ высокой степени сомнительнымъ; мы увидимъ, что Лермонтовъ, подобно Чехову, одновре-

менно является и рѣзкимъ пессимистомъ и яркимъ оптимистомъ. Чеховъ, подобно Лермонтову, не находилъ выхода изъ окружающей атмосферы мѣщанства, но въ то же самое время онъ твердо, религиозно вѣрилъ въ грядущую гибель мѣщанства и счастье всего человечества: «какъ хороша будетъ жизнь на землѣ черезъ триста лѣтъ!» — такова была его обычная фраза. Лермонтовъ, подобно Чехову, задыхался въ атмосферѣ мѣщанства жизни, но въ то же время онъ вѣрилъ, что сама по себѣ жизнь можетъ быть прекрасной даже не черезъ триста лѣтъ, а въ настоящее время. Она можетъ быть прекрасной—и является большей частью мѣщанской: что за трагическое противорѣчіе! Въ немъ лежитъ источникъ пессимизма Лермонтова, его мизантропія, его ненависть къ жизни, какъ проявленію мѣщанства. Общеизвѣстны причины, оказавшія особенно сильное вліяніе на настроеніе и взгляды молодого поэта: семейныя неурядицы, душевный разладъ на ихъ почвѣ не могли не отразиться отрицательнымъ образомъ на отношеніи поэта къ жизни и къ людямъ; главная причина однако лежитъ еще глубже и заключается, какъ мы увидимъ, въ глубокомъ раздвоеніи между психологическимъ типомъ Лермонтова и выработаннымъ имъ міровоззрѣніемъ. Какъ бы то ни было, но уже пятнадцатилѣтній поэтъ вполне опредѣленно пришелъ къ мизантропическому пессимизму и къ ненависти къ жизни, какъ къ воплощенному мѣщанству:

И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный... (II, 200).

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за подобными мотивами въ поэзіи Лермонтова — они слишкомъ общеизвѣстны; можно только указать, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ глубже и безнадежнѣе становилось у Лермонтова это настроеніе: стихотвореніе «Благодарность» (1840 г.) — это трагедія въ восьми строкахъ, это послѣдній стонъ измученнаго мѣщанствомъ жизни человѣка.

Лермонтовъ ненавидѣлъ мѣщанство жизни самой по себѣ, и въ то же время, подобно Пушкину, погибъ отъ обыденности мѣщанства окружающей жизни. Какъ и Пушкинъ, онъ пытался быть «какъ всѣ», и чуть не захлебнулся въ тинѣ этического мѣщанства. Въ эпоху «двухъ ужасныхъ годовъ» его юнкерства (его же собственное выраженіе изъ письма къ М. А. Лопухиной, отъ 23 дек. 1834 г.) онъ занимается мараніемъ скабрёзныхъ поэмъ; позднѣе онъ тратитъ время и силы на некрасивыя, чтобы не сказать больше, попытки воз-

высвить свое значеніе среди свѣтской черни безчестнымъ путемъ (исторію эту съ рѣдкой искренностью описаль самъ Лермонтовъ въ автобіографическомъ романѣ «Княгиня Лиговская»; см. IV, 269—270); еще позже онъ радуется своимъ успѣхамъ среди свѣтской черни, гордится своею ролью льва петербургскихъ салоновъ: «je suis aussi un lion», съ тщеславіемъ заявляетъ онъ (IV, 278). Салонный левъ съ идеалами гвардейскаго офицера: «bon Dieu! Si vous saviez la vie que je me propose de mener!.. Oh, cela sera charmant! D'abord des bizarreries, des folies de toute espèce et de la poésie noyée dans du champagne» (IV, 265). И все это тщетныя попытки войти въ общую мѣщанскую колею: Лермонтовъ пробуетъ окунуться съ головою въ пошлую обыденную жизнь для того, чтобы спастись отъ сознанія мѣщанства жизни вообще; но ему не было спасенія.

Гордясь своими успѣхами среди свѣтской черни, Лермонтовъ ни на минуту не могъ закрыть глаза на жалкое этическое мѣщанство этой квинтъ-эссенціи мѣщанства. Подобно Пушкину, онъ не имѣетъ другихъ выраженій, другихъ эпитетовъ для характеристики этой свѣтской черни, кромѣ «жалкая толпа», «безумный свѣтъ» и т. п. (I, 225, 232 и др.). Его поражало полнѣйшее безличіе, совершеннѣйшее отсутствіе индивидуальности въ представителяхъ того общества, въ которомъ онъ вращался: «ils me font l'effet d'un jardin français, bien étroit et simple, mais où l'on peut se perdre pour la première fois, car entre un arbre et un autre le ciseau du Maître a ôté toute différence!..» (IV, 257). И не надо думать, что этическое мѣщанство Лермонтовъ видитъ только въ одной общественной группѣ, подобно Пушкину: всѣ общественныя группы, все общество, все человѣчество кажутся ему насквозь пропитанными мѣщанствомъ. Съ этой точки зрѣнія онъ, быть можетъ, ярчайшій индивидуалистъ во всей русской литературѣ, иногда готовъ ненавидѣть человѣка, какъ человѣкъ.

Чѣмъ ты несчастливъ?—

Скажутъ мнѣ люди.

Тѣмъ я несчастливъ,

Добрые люди, что звѣзды и небо—

Звѣзды и небо!—а я человѣкъ!..

(I, 241).

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной?—спрашиваетъ въ другой разъ поэтъ, и въ этомъ вопросѣ опять звучитъ ненависть къ мѣщанству всякой человѣческой жизни. Впослѣдствіи, въ долгій періодъ между Лермонтовымъ и Чеховымъ, такіе вопросы казались смѣшными даже лучшимъ представителямъ русской интеллигенціи: «Ахъ, отчего я не бревно!»—издѣвался впослѣдствіи Писаревъ. Людямъ шестидесятыхъ и семиде-

сятых годовъ было вполнѣ непонятно то трагическое міровоззрѣніе, которое въ самой жизни видѣло почти сплошное мѣщанство. Мѣщанство это не ограничивается рамками опредѣленныхъ общественныхъ группъ, а получаетъ въ воззрѣніяхъ Лермонтова общечеловѣческое и чуть ли не міровое значеніе; его Демонъ (въ редакціи 1831 года — «Азраиль») говоритъ даже, якобы съ завистью, о мѣщанствѣ ангеловъ, безстрастныхъ, спокойныхъ, уравновѣшенныхъ, между которыми вѣроятно тоже «le ciseau du Maître a ôté toute différence» (см. II, 126); и, подобно Демону начала XX-го вѣка, лермонтовскій Демонъ могъ бы сказать про себя:

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю
Межъ тупоумцевъ экстагическихъ...
Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою.

(Бальмонтъ, «Голосъ Дьявола»). Въ Лермонтовѣ мы видимъ первые зачатки приданія мѣщанству нуменальнаго смысла, и въ этомъ его связь отчасти съ Гоголемъ, а больше всего съ символистами конца XIX-го вѣка.

Конечно, Лермонтовъ не могъ удовлетвориться своими успѣхами салоннаго льва; онъ любилъ

Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ;

его всегда тянуло къ какой-то новой, широкой, еще неизвѣданной имъ жизни; онъ постоянно ждалъ чего-то, ему казалось, что онъ стоитъ на рубежѣ новой, настоящей жизни:

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду...

Та жизнь, которую онъ велъ раньше, предстала предъ нимъ во всей своей мѣщанской неприглядности; всякая жизнь an und für sich представлялась ему обыденной, безцвѣтной. Уже одно это неизбѣжно толкало поэта на путь истиннаго романтизма; вступить на этотъ путь ему было тѣмъ легче, что по самой своей природѣ Лермонтовъ несомнѣнно принадлежалъ къ тому романтическому типу людей, которыхъ давить эмпирическая дѣйствительность, которымъ тѣсно въ пространствѣ трехъ измѣреній и которые вѣчно влекутся «за пре-

дѣлы предѣльнаго, къ безднамъ свѣтлой безбрежности». И однако Лермонтовъ не вступилъ на этотъ путь...

По самой своей природѣ Лермонтовъ несомнѣнно былъ религиознымъ романтикомъ, мистикомъ; онъ откровенно признается

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала...

Онъ твердо вѣрить, что «иная есть страна» и что «понятыя о небесномъ намъ дано»; онъ стремится прочь отъ реального міра за предѣлы предѣльнаго (ср. I, 3, 119, 214; II, 20, 111 и др.). Но, въ противоположность слащавому пѣтисту Жуковскому, онъ не переноситъ «за предѣлы предѣльнаго» понятій и образовъ нашей эмпирической дѣйствительности; не надѣется на то, что въ знакомой и тайной странѣ прошедшее намъ возвратится; наоборотъ—

И смерть пришла: наступило за гробомъ свиданье,—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали... (I, 69).

Нѣтъ необходимости подробнѣе останавливаться на этомъ пунктѣ воззрѣній и настроеній Лермонтова: это значило бы повторять всѣмъ уже давно извѣстное. Мистикъ въ душѣ, онъ не могъ ограничиться признаніемъ одной только эмпирической личности человѣка; послѣдняя безъ метафизической личности, понимаемой въ спиритуалистическомъ смыслѣ, для Лермонтова—ничто: «c'est terrible quand on pense, qu'il peut arriver un jour où je ne pourrai pas dire: moi! A cette idée l'univers n'est qu'un morceau de boue»... (IV, 259). Если бы Лермонтовъ отдался безъ борьбы романтическимъ тяготѣніямъ своей природы, то онъ сдѣлался бы, вѣроятно, идеологомъ того философскаго романтизма, который мы встрѣтимъ въ поколѣніи тридцатыхъ годовъ; но роковая судьба вложила въ сердце Лермонтову только безкрылое желанье и возстановила его разумъ противъ его сердца; «умъ съ сердцемъ не въ ладу» были не только у одного Чацкаго, но и у цѣлаго ряда дѣятелей той эпохи. Чувство тянуло Лермонтова къ романтизму, сложившееся же подъ влияніемъ среды міровоззрѣніе заставляло поэта осмѣивать

...страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму... (II, 305).

Въ этомъ сказалось глубокое душевное раздвоеніе поэта, еще болѣе усилившее пессимистическое его настроеніе. Это раздвоеніе, какъ основную свою черту, отмѣтилъ еще самъ Лермонтовъ (напр., въ «Героѣ нашего времени»); это раздвоеніе обратило религиозный романтизмъ Лермонтова въ пантеизмъ; раздвоеніе это сказалось въ постановкѣ

100

проблемы объ интеллектѣ и инстинктѣ (напр., въ «Думѣ»). Самъ страда-
дая отъ глубокаго раздвоенія, поэтъ не могъ не задаться вопросомъ
о томъ, ведетъ ли къ счастью человѣка порабощеніе сердца умомъ,
примать интеллекта надъ инстинктомъ? Въ отвѣтъ на это мы слы-
шимъ горькія рѣчи о бесплодной наукѣ, о язвахъ, гнетѣ и развратѣ
просвѣщенія (I, 7, 8, 20; II, 167; III, 63, 113; IV, 37 и др.): какая
разница по сравненію съ гармоничнымъ и цѣльнымъ Пушкинымъ!
Лермонтовъ начинаетъ собою новый періодъ въ развитіи русской
интеллигенціи: занимавшіе его «проклятые вопросы, въ томъ или иномъ
ихъ видоизмѣненіи, перекинулись черезъ людей сороковыхъ годовъ
къ семидесятникамъ и далѣе. Это не значитъ, что Герценъ, Михайлов-
скій или Достоевскій заимствовали у Лермонтова свои идеи, но зна-
читъ, что у Лермонтова были въ зачаточномъ видѣ идеи и Достоев-
скаго, и Михайловскаго, и Герцена. Мы могли бы указать цѣлый рядъ
мотивовъ Лермонтова, разработанныхъ впоследствии представителями
русской интеллигенціи. (Конечно, мы говоримъ не о томъ, что, на-
примѣръ, въ нѣсколькихъ строкахъ стихотворенія «Не говори: однимъ
высокимъ»... затронута тема «Преступленія и наказанія» Достоевскаго).

Въ раздвоеніи Лермонтова—основная причина его пессимизма,
но въ немъ же коренится и его спасительная любовь къ жизни:
страдая отъ разрыва непосредственнаго чувства съ сознаніемъ, Лер-
монтовъ въ то же самое время всей силой своего непосредственнаго
чувства былъ привязанъ къ той самой жизни, которую признавалъ
по существу мѣщанской. Онъ стремился «за предѣлы предѣльнаго»
и въ то же время жадно любилъ все земное: въ этомъ несоедини-
момъ сочетаніи романтическихъ и реалистическихъ элементовъ было
много трагическаго, но въ немъ же заключалась и возможность лер-
монтовскаго оптимизма. Еще Бѣлинскій отмѣтилъ у Лермонтова «без-
вѣріе въ жизнь при жадѣ жизни»; жизнь an und für sich Лермонтовъ
считаетъ безнадежно мѣщанской и поэтому тяготѣетъ къ «небесному»,
но въ то же время, быть можетъ, еще интенсивнѣе Пушкина любить
все «земное» проникновенной, глубокой любовью. Какъ типичный
романтикъ Лермонтовъ

... силится купить страданіемъ своимъ

И гордою побѣдой надъ земнымъ

Божественной души безбрежную свободу, (I, 234).

и въ то же время онъ всѣми своими помыслами живетъ на землѣ;
«мнѣ милѣй страданія земныя», подобно Фаусту, заявляетъ нашъ
поэтъ: «люблю мученія земли»... (I, 105, 161).

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ, какое оно, (I, 235).

еще болѣе рѣшительно заявляетъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ. И такое раздвоеніе между «небомъ» и «землей», сказывающееся еще въ дѣтскихъ произведеніяхъ Лермонтова, проходитъ черезъ всю его поэзію; интересно въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ первыхъ стихотвореній Лермонтова, въ которомъ онъ проситъ у Бога прощенія за то, что міръ земной ему тѣсенъ:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю и т. д. (I, 112).

Эта любовь къ землѣ озарила поэзію Лермонтова пантеизмомъ и привела поэта къ яркому и интенсивному признанію правъ человеческой личности на жизнь.

Пантеизмъ Лермонтова былъ компромиссомъ между его романтическими чувствами и реалистическими взглядами: онъ приближался къ мистицизму своимъ отказомъ ограничиться міромъ эмпирической дѣйствительности («мертвая краса» «равнодушной природы»— вотъ эта дѣйствительность съ точки зрѣнія реалиста), и въ то же время онъ былъ въ высшей степени «земнымъ» чувствомъ. Характерно въ этомъ отношеніи одно изъ послѣднихъ стихотвореній Лермонтова («Выхожу одинъ я на дорогу»...): молчаливое вниманіе пустыни, тихій разговоръ звѣзды со звѣздой, сонъ земли въ сіяньи голубомъ—все это одновременно и отрываетъ поэта отъ земной обыденности, и привязываетъ его къ ней; онъ одновременно не ждетъ отъ жизни ничего, ищетъ забвенія, и въ то же время въ забвеніи жаждетъ жизни,—

Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ дыша вздымалась тихо грудь...

Здѣсь налицо передъ нами то причудливое сочетаніе ненависти къ жизни (къ мѣщанской жизни!) съ жаждой жизни, которое такъ характерно для Лермонтова. Въ этой жаждѣ жизни—вторая главная сторона творчества нашего поэта, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которой является интенсивный индивидуализмъ, не такой гармоничный и цѣльный, какъ у Пушкина, но неизмѣримо болѣе рѣзкій и яркий.

Жажда жизни, жажда неутолимая никакимъ удовлетвореніемъ, а потому и принимающая романтическую окраску; жажда жизни, при-

водящая къ полному разрыву со всѣми узами, мѣшающими человѣку жить «во всю», а значитъ провозглашающая принципъ индивидуализма—все это было съ удивительной силой и рѣзкостью высказано Лермонтовымъ въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній всей русской литературы XIX-го вѣка, въ «Мцыри», которое Лермонтовъ писалъ, какъ и своего «Демона», въ теченіе всей своей жизни. Еще юношей, въ 1831 г., Лермонтовъ задумалъ написать записки монаха, томящагося въ монастырѣ (IV, 292); въ произведеніяхъ 30-хъ годовъ мы находимъ у него цѣлый рядъ попытокъ выполнить это намѣреніе («Исповѣдь», 1830 г.; «Бояринъ Орша», 1835 г. и др.); окончательная переработка всѣхъ этихъ этюдовъ дала русской литературѣ «Мцыри» (1840 г.). Такимъ образомъ желаніе написать апоѳеозъ жизни десять лѣтъ сопутствовало поэту, въ то время какъ ненависть къ жизни, какъ къ воплощенію мѣщанства, была его характернѣйшей чертой.

«Мцыри»—апоѳеозъ жизни, яркое выраженіе безумной любви къ ней, апоѳеозъ личности, свергнувшей съ себя всѣ порабоцавшія ее узы. Ничего подобнаго по силѣ не появлялось тогда въ русской литературѣ; только «Шильонскій узникъ» Байрона, такъ удивительно переведенный Жуковскимъ за двадцать лѣтъ до «Мцыри», можетъ считаться случайнымъ предшественникомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, которое мы хотѣли бы переписать цѣликомъ, вмѣсто того, чтобы указывать на его громадное значеніе въ исторіи эволюціи индивидуализма въ русской литературѣ и жизни. Пантеизмъ Лермонтова и его безконечная жажда свободы личности ярче и рѣзче всего высказались именно въ этомъ предсмертномъ его произведеніи.

Мы сказали уже, что Лермонтовъ былъ глубокимъ пантеистомъ и примирялъ этимъ свои романтическіе порывы съ реалистическимъ міровоззрѣніемъ. Онъ чувствовалъ бѣненіе пульса природы, онъ чувствовалъ себя составной ея частью, участникомъ ея жизни. У Пушкина природа живетъ жизнью человѣка, и только оттого безконечно велика и разнообразна, что отражаетъ въ себѣ человѣческое чувство и человѣческую мысль; у Лермонтова, наоборотъ, природа живетъ своей собственной жизнью и не она сливается съ человѣкомъ, а человѣкъ сливается съ ней. У Лермонтова Бештау злобно взираетъ на русскихъ; рѣка, крутясь съ гордымъ бѣшенствомъ, не отвѣчаетъ улыбка неба; звѣзды слушаютъ поэта, радостно играя лучами; въ облакахъ кипятъ южныя страсти; тучка летитъ, простирая крылья по вѣтру; природа, какъ беззаботное дитя, тѣшится вѣчно-молодою жизнью (см. I, 66, 76; II, 165, 185, 210—1; см. еще I, 27;

II, 17, 25, 45 и др.). И вы чувствуете, что все это не простой *façon de parler*, что природа для Лермонтова — чудное, любимое существо, ради котораго онъ забудетъ всѣ женскіе взгляды (ср. III, 75). Мцыри — подобно всѣмъ героямъ Лермонтова, его alter-ego — воплотилъ въ себѣ этотъ пантеизмъ съ послѣдней полнотой, послѣдней яркостью. Онъ порвалъ всѣ связи съ людьми, онъ ушелъ въ живую вѣчно-молодой жизнью природу, онъ

... вслушиваться сталь
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ...

И на этомъ фонѣ пантеистическаго сліянія съ природой вырисовывается та непредѣльная жажда жизни, которая только и можетъ быть противопоставлена обычному, мѣщанскому прозябанію. Три дня своей вольной, одинокой жизни на груди природы Мцыри не промѣняетъ на цѣлыя десятилѣтія мирнаго житія:

Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, еслибъ могъ...

И эти три дня мощнаго апоѳеоза его личности, три дня цѣльной, широкой и яркой жизни осмысливаютъ собой и всю короткую, темную и печальную жизнь Мцыри; недаромъ онъ говоритъ увѣщающему его монаху:

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ — Жилъ, и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безильной старости твоей...

И, конечно, за Мцыри стоитъ самъ Лермонтовъ. Намъ неизвѣстно, имѣлъ ли онъ въ своей жизни, подобно своему герою, хотя бы три «блаженныхъ дня», но во всякомъ случаѣ онъ сознавалъ ихъ полную возможность — и не черезъ триста лѣтъ, а немедленно сейчасъ же, среди этой самой мѣщанской по существу жизни. Быть можетъ, неутолимость этой возможности прибавляла лишнюю каплю горечи къ лермонтовскому пессимизму, но во всякомъ случаѣ неоспоримъ его взглядъ на жизнь какъ на нѣчто прекрасное, яркое и

блаженное, хотя и обращенное людьми въ слякотное, сѣрое мѣщанство обыденности. Сквозь мрачные, пессимистическіе взгляды на окружающую жизнь у Лермонтова иногда прорываются, какъ лучи свѣта сквозь тучи, драгоцѣнные признанія о томъ, что онъ дорожитъ своей жизнью, какъ неосуществленной возможностью достиженія яркаго, гармоничнаго существованія и какъ проявленіемъ своей личности, своего я. Въ откровенномъ и дружескомъ письмѣ онъ пишетъ о своей жизни: «je ne pourrai jamais m'en détacher assez pour la mépriser de bon coeur, car ma vie—c'est moi, moi qui vous parle...» (IV, 259). Уже одно это признаніе показываетъ, насколько глубоко правъ былъ Бѣлинскій, угадавшій въ молодомъ Лермонтовѣ (тогда еще авторѣ только 20—30 напечатанныхъ стихотвореній) смена глубокой вѣры въ достоинство жизни и личности.

Какъ бы то ни было, но Лермонтовъ стоялъ на распутьи двухъ дорогъ, или, вѣрнѣе, висѣлъ, какъ гробъ Магомета, между зенитомъ и надиромъ. Съ одной стороны его влекло къ «небесному», съ другой—онъ тяготѣлъ къ землѣ: это первое его раздвоеніе. Второе, являющееся видоизмѣненіемъ перваго, было для Лермонтова еще трагичнѣе, еще фатальнѣе: онъ ненавидѣлъ всю современную жизнь всѣхъ круговъ общества за ея сплошное мѣщанство и въ то же время безумной любовью любилъ эту же самую жизнь, провидя возможность ея разрыва съ мѣщанствомъ не черезъ двѣсти-триста лѣтъ (чѣмъ впоследствии утѣшалъ себя Чеховъ), а сейчасъ, немедленно, для каждаго отдѣльнаго индивида. Въ чемъ же лежала возможность осуществленія этой мечты Лермонтова? Отвѣтъ не трудно предвидѣть: *въ одиночествѣ*, въ полномъ разрывѣ съ мѣщанскимъ обществомъ, въ полномъ социологическомъ (а также и эстетическомъ) индивидуализмѣ.

Въ одиночествѣ Лермонтовъ видитъ единственное свое спасеніе, единственную возможность спастись отъ засасывающаго мѣщанства окружающей жизни; и мотивы одиночества пріобрѣтаютъ у него рѣзкую мизантропическую окраску:

Пускай меня обхватитъ цѣлый адъ,
 Пусть буду мучиться,—я радъ, я радъ,
 Хотя бы вдвое противъ прошлыхъ дней,
 Но только дальше, дальше отъ людей!

(I, 198).

И этотъ мотивъ одиночества, пустившій сперва ростокъ на личной почвѣ (что видно еще по дѣтскимъ произведеніямъ поэта, см., напр., IV, 97), чѣмъ дальше, тѣмъ больше разрастался въ могучее анти-

мѣщанское и индивидуалистическое настроеніе. Приблизительно въ это же время Пушкинъ впервые ярко формулировалъ свой эстетическій индивидуализмъ, требуя отъ поэта презрѣнія къ мѣщанской толпѣ и заявляя о его полномъ одиночествѣ: «ты царь—живи одинъ»; Лермонтовъ стоитъ на той же почвѣ эстетическаго индивидуализма:

Я самъ собою жилъ доннынѣ!
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынѣ,
Какъ вдаль по озеру ладья...

(I, 232).

но онъ ставитъ вопросъ гораздо шире Пушкина, ставитъ одиночество въ законъ не только поэту, но и вообще человѣку, желающему порвать съ мѣщанствомъ. Иными словами, отъ эстетическаго индивидуализма Лермонтовъ переходитъ къ соціологическому, категорически утверждая право каждаго человѣка на самоопредѣленіе. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ анти-мѣщанства Лермонтова является его рѣзкій индивидуализмъ; здѣсь коренится причина его жаднаго интереса къ личности. Личность для Лермонтова—это все; для него «исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа» (III, 46); и, по обыкновенію, правъ былъ великій критикъ земли русской, находившій «паѳосъ» пѣэзіи Лермонтова «въ нравственныхъ вопросахъ о судьбѣ и правахъ человѣческой личности». Надо замѣтить только, что, задаваясь «нравственными вопросами» о судьбахъ личности, Лермонтовъ въ то же время еще не дошелъ до принциповъ этическаго индивидуализма—и въ этомъ опять одна изъ нитей его раздвоенія. Бываютъ, конечно, случаи, когда соціологическій индивидуализмъ заполняетъ всю ширь міровоззрѣнія того или иного писателя, въ то время какъ этическій индивидуализмъ оставляется имъ въ тѣни; бываютъ и обратно случаи, когда этическій индивидуализмъ проникаетъ до глубины міровоззрѣнія человѣка, оставляя соціологическій на заднемъ планѣ: мы увидимъ впослѣдствіи, что въ семидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка яркимъ примѣромъ перваго былъ Михайловскій, а яркимъ примѣромъ втораго—Толстой и Достоевскій. Въ Лермонтовѣ же и въ этомъ случаѣ было раздвоеніе: онъ требовалъ для человѣка полной свободы отъ всѣхъ стягивающихъ его путъ, но въ то же время не могъ отдѣлаться отъ навязчивой идеи, что человѣкъ есть только средство. Далекій отъ негодующаго индивидуализма Ивана Карамазова, который возмущался при одной мысли быть только средствомъ, «унавозить кому-то будущую гармонію», Лермонтовъ какъ-разъ останавливается именно на этой мысли:

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
 Не для людей былъ сотворенъ;
 Мы сгинемъ, нашъ сотрется слѣдъ,
 Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ...

Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
 Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

(I, 160).

Принципъ самоцѣльности человѣка былъ совершенно чуждъ понятіямъ Лермонтова; немудрено поэтому, что поэтъ такъ часто становился въ жгучія противорѣчія самъ съ собою по вопросу о личности человѣка. Иногда онъ чуть не обожествляетъ человѣка, иногда относится къ нему чуть не съ презрѣніемъ (II, 290), иногда высказываетъ высокое «гуманическое» чувство, иногда заявляетъ: «я презираю жизнь другихъ» (I, 218)—и весь этотъ клубокъ противорѣчій имѣетъ причиной раздвоеніе Лермонтова, и ясно распутывается по двумъ нитямъ: по социологическому индивидуализму поэта и по его этическому анти-индивидуализму (хотя послѣдній выраженъ и не особенно ясно).

Итакъ, мотивъ одиночества выразился у Лермонтова въ его рѣзкомъ социологическомъ индивидуализмѣ. Понималъ ли поэтъ, *къ чему* въ концѣ концовъ можетъ привести дальнѣйшая разработка этого мотива? Чувствовалъ ли онъ, что крайній социологическій индивидуализмъ приводитъ насъ въ мертвый тупикъ, изъ котораго нѣтъ никакого выхода? Эту истину, особенно ясно сознающую поколѣніемъ крайнихъ эстетическихъ и социологическихъ индивидуалистовъ конца XIX-го вѣка, Лермонтовъ чувствовалъ и видѣлъ передъ собой съ неотразимой очевидностью, и въ этомъ случаѣ онъ связанъ тѣсными идейными нитями съ современнымъ намъ теченіемъ художественной мысли (напр., съ Л. Андреевымъ). Весь непередаваемый ужасъ одиночества Лермонтовъ ощущалъ какъ нельзя болѣе ясно; «ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ»—воскликаетъ поэтъ и вкладываетъ въ уста Демона такое признаніе:

О, еслибъ ты могла понять,
 Какое горькое томленье
 Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья
 И наслаждаться и страдать...
 Жить для себя, скучать сббой
 И этой вѣчною борьбой
 Безъ торжества, безъ примиренья!...

(II, 34).

И эта идея ужаса одиночества какъ кошмаръ преслѣдовала Лермонтова всю жизнь; одно изъ его послѣднихъ стихотвореній посвящено все этой же мысли: на порогъ смерти Лермонтовъ тосковалъ въ своемъ одиноствѣ, рассказывая о томъ, какъ «дубовый листокъ

оторвался отъ вѣтки родимой» и нигдѣ не могъ найти пріюта въ своемъ тоскливомъ одиночествѣ:

Одинъ и безъ цѣли ношуся по свѣту давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя...

Въ этомъ одиночествѣ и таилась гибель Лермонтова; въ этой гибели и заключалась кара за его дерзкій разрывъ съ мѣщанствомъ. Повторилась исторія Тазита, съ той только разницей, что не общество изгнало непокорнаго члена, а самъ онъ рѣзко разорвалъ всякія связи съ обществомъ; участь его отъ этого однако не стала легче. Онъ тоже погибъ, хотя погибъ еще менѣе побѣжденнымъ, чѣмъ Пушкинъ; но мѣщанство все-таки торжествовало: оно не видѣло, что одержало еще одну пиррову побѣду, не видѣло, что именно Лермонтовъ внесъ въ сознаніе русской интеллигенціи тотъ ферментъ разложенія, отъ котораго должно погибнуть мѣщанство. Правда, мысль Лермонтова (о мѣщанствѣ *самой жизни*, а не той или иной общественной группы) была настолько нова, что только черезъ полвѣка послѣ его гибели снова возродилась у Чехова; но все-таки она сдѣлала свое дѣло. И для нашего поколѣнія Лермонтовъ, быть можетъ, самый *современный* поэтъ; мы чувствуемъ нити, которыя связываютъ его съ нами и которыя мы старались распутать на предъидущихъ страницахъ.

Намъ осталось теперь подвести итоги, выяснить взаимоотношеніе Пушкина и Лермонтова и ихъ значеніе въ исторіи индивидуализма въ русской литературѣ и жизни.

Пушкинъ и Лермонтовъ—это двѣ стороны одной и той же медали, знаменующіе собою высшую точку волны индивидуализма въ русской художественной литературѣ первой половины XIX-го вѣка; оба они двумя діаметрально противоположными путями пришли къ одной и той же цѣли. Пушкинъ шелъ отъ признанія правъ личности, отъ индивидуализма къ борьбѣ съ этическимъ мѣщанствомъ; Лермонтовъ отъ признанія мѣщанства жизни самой по себѣ пришелъ къ рѣзкому индивидуализму: разными путями они сошлись на ненависти къ мѣщанству и на провозглашеніи принципа эстетическаго и соціологическаго индивидуализма. *Въ этой полярности Пушкина и Лермонтова—главная сторона ихъ взаимоотношенія.* Впослѣдствіи мы встрѣтимся еще два раза съ подобной же полярностью путей Герцена и Михайловскаго, а отчасти Чехова и Горькаго: подобно Лермонтову, Герценъ и Чеховъ пришли отъ анти-мѣщанства къ индивидуализму; подобно Пушкину, Михайловскій и Горькій отъ индивидуализма подошли къ мѣщанству.

Однако полярность Пушкина и Лермонтова идетъ глубже тѣхъ путей, которыми шло построение ихъ воззрѣній: мы уже видѣли, что полярность эта нисходитъ до послѣднихъ глубинъ духовной сущности обоихъ поэтовъ. Пушкинъ—яркій и цѣльный представитель реалистическаго типа, никогда не чувствовавшій стремленій и порывовъ за предѣлы предѣльнаго; Лермонтовъ—не менѣе характерный представитель *раздвоенности* типовъ реалистическаго и романтическаго; кристальная, эллинически-гармоничная личность Пушкина является полярной противоположностью раздвоенной личности типичнаго «иудея»—Лермонтова. Критеріемъ и мѣриломъ всего окружающаго для Пушкина является человѣческая личность, для Лермонтова же личность эта только на груди великаго духа природы получаетъ свое объясненіе. У Пушкина природа живетъ жизнью человѣка, сливается съ нимъ; у Лермонтова природа живетъ своей собственной жизнью, съ которой сливается и жизнь человѣка. Пушкинъ—цѣльность, единство, гармонія; Лермонтовъ—раздвоенность, раздробленность, непримиримость противорѣчій. Пушкинъ—геніальное завершеніе стараго и высшее воплощеніе реалистическаго типа; Лермонтовъ—геніальное начало новаго, хотя только проблесками, намеками (новое иначе выразаться и не можетъ). Гоголь, Тургеневъ, Л. Толстой—вотъ главнѣйшіе наслѣдники Пушкина; Достоевскій, Чеховъ и современные художники мысли и слова—вотъ духовныя дѣти Лермонтова, какъ мы это еще увидимъ...

Но какова бы ни была полярность нашихъ двухъ величайшихъ поэтовъ, ихъ тѣсная, неразрывная связь всегда будетъ заключаться въ томъ, что оба они знаменуютъ собою гребень волны индивидуализма въ русской художественной литературѣ. Выше ихъ въ выставленіи *реальной личности* и провозглашеніи ея правъ не пошелъ никто, равно какъ никто не пошелъ дальше ихъ въ отрицательномъ отношеніи къ мѣщанству и въ борьбѣ съ нимъ. Мы видѣли, что Пушкинъ черезъ индивидуализмъ пришелъ къ анти-мѣщанству, а Лермонтовъ отъ анти-мѣщанства поднялся къ индивидуализму; но такимъ образомъ въ результатѣ они оказались стоящими у одной цѣли, несмотря на полярность своихъ путей.

Оба они трагически погибли въ борьбѣ съ мѣщанствомъ, принужденные, подобно первому борцу съ этическимъ мѣщанствомъ, Грибоѣдову, уйти въ гнетущее одиночество, невыносимое для живого человѣка. Ихъ индивидуализмъ достигъ своей высшей интенсивности какъ-разъ въ ту эпоху, когда полное подавленіе индивидуальности было основнымъ пунктомъ государственной системы; ихъ рѣзкое

анти-мѣщанство достигло своего апогея какъ-разъ въ эпоху офици-
ціального мѣщанства. И оба они погибли въ своемъ одиночествѣ; по-
гибли, потому что были одинокими представителями разгромленной
русской интеллигенціи; погибли, потому что не имѣли корней въ той
зарождающейся интеллигенціи тридцатыхъ годовъ, которой принадле-
жало будущее.
